

Действия Цзян Сэня были быстрыми и отточенными, от и до прошло всего несколько секунд, так что было понятно, что и в обычное время он превосходно справляется с тренировкой. Но это лишь заставило меня в глубине души задуматься: кем же на самом деле является этот человек? Однако мой скудный ум был поистине бессилён что-либо вообразить о деньгах и власти, поэтому в голове у меня осталась лишь рябь, словно на экране старого телевизора.

Пока он не обращал на меня внимания, я быстро сунула терминал в карман.

Никогда не стоит переоценивать безопасность интеллектуальных терминалов. Цивилизации могут рухнуть и возрождаться вновь, и «Хуацяньбэй*» — не исключение.

П.п.: Знаменитый район в Шэньчжэне, один из крупнейших в мире рынков электроники, известный как место, где можно найти, собрать, отремонтировать или взломать практически любое электронное устройство. Стало нарицательным названием для подпольных/неофициальных технологичных сообществ или рынков, переживших катастрофу и продолжающих существовать.

Цзян Сэнь, не знаю когда, уже подошел ко мне вплотную. Он наклонился и сказал:

— Ты... сейчас можешь встать? Я провожу тебя.

Что за вопросы, конечно, могу.

Я уперлась руками в землю и поднялась, но в тот момент, когда я встала на ноги, в глазах у меня потемнело, мир завертелся, а тело стало невесомым.

Цзян Сэнь быстро поддержал меня и помог устоять.

— Слишком резко встала, — объяснила я, хотя на самом деле чувствовала, как все мое тело дрожит, а руки леденеют.

— Ничего, я сама дойду, — добавила я.

Цзян Сэнь взглянул на мое плечо. Я тоже посмотрела — мое плечо мелко тряслось с частотой три раза в секунду.

Ладно. В любом случае, это не моя вина. Я сделала, что могла, я даже контратаковала, разве мне нельзя теперь бояться после это всего?

Цзян Сэнь отвел взгляд, ничего не говоря. Он только протянул руку и поправил на мне его пиджак, в который я была завернута. Затем он обхватил меня за талию и повел наружу, замедлив шаг.

Пройдя некоторое расстояние, я все же не выдержала. Во рту и так стоял привкус крови, а тут еще приходилось идти, прижимаясь к нему, и я даже ощущала его намеренно сдерживаемый запах. Запах феромонов.

Меня сейчас просто стошнит.

Я взяла его руку, лежавшую у меня на талии, и сказала:

— Не беспокойся, мне уже намного лучше.

— Но ты выглядишь... — Цзян Сэнь подобрал слова, прежде чем продолжить: — ...не очень хорошо, очень слабый.

Потому что я изо всех сил сдерживаю тошноту.

Да хватит уже, тебе не кажется, что это странно?!

Я боялась, что стоит мне открыть рот — и меня вырвет, поэтому лишь криво улыбнулась, покачала головой и с силой оттолкнула его руку.

Цзян Сэнь, очевидно, никак не мог понять, насколько противоестественны и странны для меня эта близость и атмосфера, поэтому он лишь сильнее прижал меня, и я вынужденно была прилипнуть к нему.

Катастрофа. Братан, не надо, пожалуйста, я правда страдаю гомофобией.

И тогда я не выдержала и странно вскрикнула. Цзян Сэнь удивленно посмотрел на меня и, наоборот, притянул меня еще ближе, развернув лицом к себе. Он наклонился ко мне и с участием спросил:

— Что с тобой? Тебе плохо? Я могу...

Я решила воспользоваться моментом, чтобы добавить к своему образу еще один правдоподобный ярлык.

Я изо всех сил оттолкнула его, сама отступила на несколько шагов, пошатываясь, прижала руки к груди и начала тяжело дышать:

— Держись от меня подальше!

Цзян Сэнь в ошеломлении замер на месте.

Я начала импровизировать: то поднимала руку ко лбу и закрывала глаза, то закрывала ладонями глаза и тяжело вздыхала, наконец, скрестила руки, обхватив предплечья, и заплакала. Этот традиционный набор приемов для изображения стрессового срыва я сыграла особенно проникновенно, что немедленно произвело впечатление на Цзян Сэнь. Выражение его лица смягчилось, кажется, он даже хотел что-то сказать, но не решился.

— Прости... Кажется, я не могу это контролировать, — я прикусила губу и лишь спустя время разжала зубы. — Я знаю, что ты не имеешь к этому отношения, и знаю, что ты точно не такой человек, но сейчас мне... тяжело это вынести.

— Что тяжело вынести? — спросил Цзян Сэнь.

Я помедлила:

— Слишком тесный контакт с альфами. Наверное, я слишком никчемная. Я же сама альфа, мне не положено бояться.

Мои плечи снова затряслись. На этот раз я контролировала это, поэтому мне пришлось приложить огромные усилия, чтобы дрожь в плечах не заставила дергаться и мое лицо.

— Но я и вправду слишком слаба. Пока что я не могу с этим справиться, прости. Но не волнуйся, это только сейчас. Возможно, после сна все пройдет.

Я снова искренне добавила:

— Извини. Спасибо, что хотел проводить меня домой, но не надо, я сама дойду. В конце концов, это же всего лишь... Я...

— Все в порядке, — перебил меня Цзян Сэнь.

Казалось, он тоже растерялся — его брови сдвинулись, он сделал несколько произвольных шагов и тут же замер.

— Все в порядке. Все хорошо, я могу тебя понять.

Цзян Сэнь добавил:

— Это не твоя вина, это я не заметил... что ты боишься, что дело в этом...

Его слова к концу стали неуверенными и невнятными.

Все, что было у меня в голове, мгновенно испарилось, и я инстинктивно сжала ноги.

Братан, пожалуйста, не говори так, это отвратительно.

В общем, в конце концов Цзян Сэнь все же отправил меня домой с водителем.

В последнее время я почти безвылазно жила в больнице и давно не была дома.

Стоя у подножья обшарпанного дома-«колодца*», поднимаясь по чрезмерно крутой и потрескавшейся лестнице, оглядывая бесчисленные граффити на стенах — «*** твою мать», «** этот мир», «Идиоты *** центрального города, *** губернатора» — и похабные рисунки с сиськами и членами, я почувствовала облегчение.

П.п.: Дом-«колодец» — это тип дешевого жилья, распространенного в Китае в прошлом, с длинными общими коридорами, по обеим сторонам которых расположены комнаты. Общественные кухни и санузлы часто находятся на этаже. Ассоциируется с бедностью, теснотой и устаревшим жилым фондом.

Несколько дней тут не была, а здесь все так же пахнет трупобами.

Однако я не стала сразу идти домой, а спустилась вниз и пошла по улице к угловому дому. Снаружи это здание ничем не отличалось от других обветшавших жилых домов, но при внимательном рассмотрении можно было заметить, что туда то и дело заходят люди.

Причина была проста: многие жильцы там промышляли мелкой торговлей с рук.

Я, хорошо зная правила, постучала в одну из дверей, и едва войдя, вытащила терминал из кармана и бросила его на стол:

— Сможешь разблокировать?

Хозяин повертел его в руках и честно признался:

— Да разве это возможно? Ты что, не знаешь, у таких брендовых штук меры защиты строжайшие, у них есть привязка к идентификационному номеру. Не, такое не взломаешь.

— А через бэкэнд посмотреть информацию можно? — не сдавалась я.

— У них база данных с нашей местной не взаимосвязана, прав доступа нет, — ответил хозяин.

— А чьи права доступа нужны для этой базы данных? — сердце у меня упало, но я спросила

снова.

Человек-то умер, но данные-то остались. Как бы потом Цзян Сэнь их не откопал, вот что.

— Дай-ка посмотреть... А, этот код... Это терминал от «Крылатого Мира». — Хозяин, перевернув устройство и посмотрев модель, добавил: — Кажется, они ни с какими другими организациями свои базы данных не объединяли. Теоретически, доступ к просмотру должен быть только у их внутреннего персонала. А ты к чему это спрашиваешь? Раньше, когда сбывала вещи, я что-то не видел, чтобы ты так ими интересовалась.

Глаза хозяина прищурились, а уголки губ изогнулись в похабной ухмылке:

— Неужто ты, блять, наконец-то поставила кому-то метку?

— Да заткнись ты, — отрезала я, не обращая внимания на его подначки, и вздохнула с облегчением.

«Крылатый Мир», а полное название «Крылатый Мир: Сияние Славы», был, можно сказать, знаменитым олигополистом в индустрии терминалов. Даже во внешнем кольце все знали, что их отношения с правительством не сказать чтобы хорошие. Их трижды вызывали в Комиссию по регулированию ценных бумаг, а в парламенте против них выступало немало чиновников, из-за чего все эти годы они не предоставляли права доступа к своим базам данных ни одной организации или институту.

Интеллектуальные терминалы стоили дорого, но, к сожалению, отличный механизм поиска сильно затруднял их свободное обращение.

Мне оставалось лишь с глубоким сожалением наблюдать, как хозяин разбирает его на запчасти, и, получив жалкие гроши, печально уйти. Разница между этой штукой и человеком действительно огромна. Если бы человека можно было разобрать и продать по органам, это, несомненно, принесло бы мне целое состояние.

Забрав деньги, я вернулась домой, кое-как собрала вещи и через домашний терминал сообщила о своем положении людям на заводе. Хотя я и планировала нелегально перебраться в Центральный город и больше сюда, блядь, никогда не возвращаться, но на всякий случай, если придется поджать хвост и вновь сбежать сюда в поисках пристанища, все же стоит поддерживать человеческие отношения.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13204/1177403>